

Сыденова Римма Прокопьевна

АНТРОПОЛОГИЯ ДЕТСТВА БУРЯТ: КУЛЬТУРА СОЦИАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются особенности культуры социализации детей в традиционном бурятском обществе. Автор показывает механизм инкорпорации индивида в социокультурную практику народа, который был тесно связан с родовыми институтами и традициями. Основываясь на литературных и собственных полевых материалах, автор выявляет мотивацию ребенка к приобщению к системе ценностей, сложившихся у народа, отмечает особую для ребенка значимость состояния соотнесенности его с социальной средой, показывает, как на основе знаниевого подхода к истории своего рода, его генеалогии индивид может утверждаться в социальной и этнической жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 174-176. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В качестве вывода можно сказать, что человечество пока не осознает, что, интенсифицируя некоторые социальные процессы, люди рано или поздно начнут актуализировать и сам процесс синхронистичности. И «вал» синхронистичностей может обрушиться на человечество внезапно, обрушиться или напасть, термин в данном случае не важен. Поэтому актуален призыв: «Внимание, синхронистичность!».

Список источников

1. **Алексеев Ю. К., Сухоруков А. П.** Введение в теорию катастроф: учеб. пособие. М.: Либроком, 2014. 184 с.
2. **Арнольд В. И.** Теория катастроф. М.: Наука (Гл. ред. физ.-мат. лит.), 1990. 128 с.
3. **Джозеф Ф.** Сила совпадения: загадочная роль синхронии в нашей жизни. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 222 с.
4. **Макгрегор Т., Макгрегор Р.** 7 секретов синхронистичности. Минск: Попурри, 2013. 272 с.
5. **Нэджи М. К. Г.** Юнг и философия. М.: Добросвет; КДУ, 2016. 360 с.
6. **Особенности дифференцируемых отображений.** М.: Мир, 1968. 268 с.
7. **Паули В.** Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий у Кеплера // Паули В. Физические очерки. М.: Наука, 1975. С. 137-175.
8. **Франц М.-Л. фон.** Прорицание и синхрония: психология значимого случая. М.: Добросвет; ИД «Городец», 2016. 120 с.
9. **Чудинов Э. М.** Строительные леса научной теории и проблема рациональности // Идеалы и нормы научного исследования: сборник статей / ред. М. А. Ельашевич, ред.-сост. В. С. Степин. Мн.: Изд-во БГУ, 1981. С. 361-380.
10. **Эйнштейн А., Инфельд Л.** Эволюция физики. М.: Молодая гвардия, 1966. 272 с.
11. **Юнг К. Г.** Синхронистичность: сборник. М. – К.: Рефл-бук; Ваклер, 1997. 320 с.

SYNCHRONICITY AS AN OBJECT OF INCREASED DANGER

Sterledev Roman Konstantinovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Perm State Medical University
4438767@rambler.ru

Sterledeva Tamara Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University
cenzia@rambler.ru

The article deals with a topical and little-studied problem of synchronicity. Possible ways of constructing synchronicity models are analyzed. Variants of civilization crises of the social level of matter organization are shown. It is stated that synchronicity as an attribute of social processes can be dangerous for the humanity of the XXI century. The main dangers of synchronistic manifestation in the era of information technologies are revealed.

Key words and phrases: synchronicity; synchronism; falsework of scientific theory; object of increased danger; civilization crisis; catastrophes theory.

УДК 94:39(571.54)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются особенности культуры социализации детей в традиционном бурятском обществе. Автор показывает механизм инкорпорации индивида в социокультурную практику народа, который был тесно связан с родовыми институтами и традициями. Основываясь на литературных и собственных полевых материалах, автор выявляет мотивацию ребенка к приобщению к системе ценностей, сложившихся у народа, отмечает особую для ребенка значимость состояния соотнесенности его с социальной средой, показывает, как на основе знаниевого подхода к истории своего рода, его генеалогии индивид может утвердиться в социальной и этнической жизни.

Ключевые слова и фразы: буряты; генеалогия; отношения родства; традиция; детство; система ценностей; социальный обычай; социализация.

Сыденова Римма Прокопьевна, к.и.н., доцент
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
rsydenova@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЯ ДЕТСТВА БУРЯТ: КУЛЬТУРА СОЦИАЛИЗАЦИИ

Традиционный взгляд на этническую историю бурят по праву связан с их родовой структурой. Летописные и другие историко-этнографические источники фиксируют обилие родовой номенклатуры у бурят и отражают связь и характер межродовых и внутривидовых отношений. Род, таким образом, выступал важной социальной средой, формировавшей культуру социализации индивида и его коллективное сознание. Принадлежность к тому или иному роду актуализировала необходимость знания каждым членом общества своих родовых институтов и генеалогического родства. Еще К. Маркс писал, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [2, с. 3].

Своеобразным инструментом в распространении подобных знаний у бурят выступало ведение своей родословной и приобщение к этой практике с детства. Наряду с родословной, как рассказывают наши информанты, важно было знать легенды о происхождении племени, предания об основателях улуса, истории расселения родовых групп [6]. «Незнание родословной племени, рода и улуса, происхождения и расселения бурят, легенд, преданий и сказаний, связанных с ними, а также родовых и племенных песен считалось позором», – писал бурятский фольклорист и этнограф С. П. Балдаев [1, с. 105]. Социальная значимость знания о происхождении утверждалась народной жизнью и была закреплена в разных жанрах устного народного творчества. Всеобщность народной мудрости и ее проникновение в самые недра жизни имели огромное воздействие на индивида, и никто не хотел оказаться и тем более слыть в общественном мнении не ведущим своих корней. Много сложено народом пословиц, поговорок на эту тему, и в них явственно было выражено общественное порицание тех, кто не знал родства. В них «про людей, не знающих племенные, родовые и улусные премудрости, презрительно говорили: “Нэрэбэй нэлдэр, солобэй сохо” (“Безымянный некто, бесславный жук”))» [Там же].

Традиция знать свои корни и уважать это знание устанавливала первые шаги в осмыслении своего «Я» в системе социальных связей и отношений. Она играла важную роль в приобретении индивидом социального статуса и создавала своего рода механизм, который обеспечивал автоматизм поведенческих моделей лиц разного иерархического уровня в широкой сети родственных корпораций.

Четкое следование структуре внутривидовых отношений имело не только социальное, но и экономическое значение и всячески поддерживалось обществом. Знаниевое поле было масштабным и включало, помимо родовых легенд и генеалогии, «рассказы о племенных и родовых вождях, знатных людях, о жизни и деятельности знаменитых тухэшинов и хэлмэршинов, имена племенных и родовых божеств...» [Там же, с. 104].

Знания о родстве и отношениях родства имели престижный характер и культивировались обществом с ранних лет жизни ребенка. Первые уроки генеалогии дети усваивали в игровой форме, постепенно переходя к мифическим первопредкам и терминологии степеней родства. С. П. Балдаев писал, что «первая учеба начиналась обычно, как я помню, с детских считалок. За считалками по концентрической линии переходили к детским сказкам, потом к родословной улуса, рода и племени» [Там же, с. 105-106]. Свои знания дети демонстрировали перед гостями, прибывавшими в улус к родственникам на праздники: «Стоя у стола в почтительной позе, дети отвечали на вопросы. Они перечисляли своих предков по восходящей и нисходящей линии, начиная с Буха-ноёна, кончая самим собой, и обратно» [Там же, с. 106].

Согласно традиции, ребенок должен был демонстрировать не только собственно знание иерархии родства, но также его терминологии. Как следует из наших полевых материалов, общественное одобрение получал тот, кто на любом из уровней генеалогической вертикали мог безошибочно указать на степень родства между субъектами внутри рода [6]. Такое знание являлось предметом особой гордости ребенка. Престижно было «держат» перед старшими своеобразный экзамен на знание родовой ветви и своего места в ней и, главное, заслужить их эмоциональное одобрение. Понимание родства способствовало закреплению ребенком картины мира, пусть и на уровне знания лишь своего генеалогического древа. Этот обычай имел исключительную важность для ребенка как «подтверждающий» его статус полноправного члена общества.

Генеалогические познания были своего рода программой, направленной обществом на воспитание у субъекта чувства сопряженности с группой и владение «картой» коллективной родовой памяти, что, в свою очередь, служило поддержанию общественного порядка.

Этот порядок все еще существовал в формате общества, в котором узы родства выстраивали экономические, социальные, нравственные и другие отношения. И если в традиционном обществе в социальной практике руководствовались обычаем и следовали ему и «племю, род и их учреждения <...> были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках» [8, с. 111], то на рубеже XIX-XX веков такое позиционирование родовых институтов претерпело ряд изменений, которые были вызваны объективными – экономическими, социальными, культурными – процессами. Хозяйствование в условиях всестороннего развития капитализма неизбежно влияло таким образом на общество и индивида, что, как пишет З. П. Морохоева, «если раньше индивид мог выступать как личность лишь в той мере, в какой он был соотнесен с родо-племенными структурами, то теперь он был личностью только в соотнесении с государством и его подразделениями» [3, с. 166].

Ребенок, заучивая свою родословную, определенно находил свое место в общественной иерархии прямых и боковых родственников и, исходя из этой структуры «миропорядка», выстраивал поведенческую модель во взаимоотношениях со всеми категориями родственников.

Одно это знание не могло обеспечить автоматизм модели действия. Он достигался самой повседневной практикой, которая давала картину реализации усвоенного индивидом кода. В этой практике было место и общению разных категорий людей, которых связывали узы родства и которых они не объединяли. Бытующая общинная взаимопомощь, вовлекавшая в производственные отношения людей, зачастую связанных родством, позволяла усвоить практику их сотрудничества. Она отражала и демонстрировала модели социального поведения, а их повторяемость закрепляла в сознании субъекта поведенческие модели и нацеливала на следование обычаю.

Хозяйственные и культурные процессы обеспечивали устойчивость данного, поддерживаемого традицией, порядка. Устная традиция, предписывавшая каждому члену в бурятском обществе определенный набор правил поведения, обладала устойчивой силой. Следование данным правилам и, главное, их реализация на практике были, на наш взгляд, той мировоззренческой идеей, которая может быть обозначена как программа социализации индивида. В результате выполнения данной программы индивид становился полноправным членом социума (рода, общины).

Мотивация к знанию родословной была, таким образом, очевидной: поддержание заданного традицией оптимального характера взаимоотношений необходимо предполагало овладение субъектом знанием кода, без применения которого индивид утрачивал бы такое свойство, как корпоративность.

В этом смысле важно отметить интегративные функции родовых отношений, а через них и системы родства с широкой сетью номенклатуры родственных связей. В известных случаях степень родства влияла на свободу или границу распространения избранной поведенческой модели. Естественное родство в практике улусной общины могло дополняться и псевдородством. Практика установления территориального родства между «коренным» и пришлым родами, о котором говорил еще Б. Э. Петри, указывает на пути образования подобного братства-родства [5, с. 6-11]. Если такая спекуляция могла иметь место на межродовом уровне, то в ураг – группе нижнего уровня генеалогического сознания бурят – адопция иных элементов была едва возможна. Переходы из рода в род пагубно влияли на всю систему родоплеменной организации общества. Подобная практика отражала тот мировоззренческий кризис, который закреплял представление о роде и родовых институтах, некогда являвшихся «священными и неприкосновенными» (Ф. Энгельс), как могущих быть нарушенными в угоду то и дело возникающим ситуациям [8, с. 111].

Система ценностей, выработанных традиционным обществом, как правило, являлась высшим уровнем социальной регуляции в данной культуре. Многие, если не всякие, отношения у бурят выражались в категориях родства. Внутриродовые связи имели устойчивый характер и укреплялись обычаями. А. А. Никишенков, рассматривая метод структурного анализа в разработке проблемы природы отношений родства, выделил данную А. Р. Рэдклифф-Брауном следующую характеристику системы родства. Согласно ей, эта система «должна работать для того, чтобы существовать и сохраняться. Она должна обеспечивать связную и действующую систему социальных отношений, определяемую социальным обычаем» [4, с. 107].

Следование обычаям являлось неотъемлемым элементом приобщения ребенка к культуре и нахождения им своего места в широкой сети родственных связей. Оно предполагало не столько механическое заучивание «кто чей», сколько через полученное индивидом знание помочь ему оформить его идеальную, т.е. заданную обычаем, поведенческую модель в отношениях с родовой группой.

Знание родственных связей находило применение в повседневной практике, будь то в производственной или культурной сфере. Полная же общественная поддержка подобной традиции служила благоприятным условием для ее устойчивого бытования. Система родства, обусловленная самой этнокультурной традицией, в процессе инкультурации индивида обязательно предполагала определение своего «Я» в широкой и разветвленной структуре отношений родства, а через него – себя в окружающем мире.

Механизмом же этого служила такая парадигма бурятской традиции, как знание бурятом с детских лет своего генеалогического древа, четко и ясно обеспечивавшее его «Я» в этой системе и выражавшееся в оппозиции «я – они»: «я как представитель своего линиджа, рода, они как представители других – родовых, общинных – коллективов» [7, с. 31].

Культура социализации ребенка как часть этнической системы отражала особенности традиционного бурятского общества и, будучи тесно вплетенной в жизнь народа, утверждала в ней социальный порядок и тем самым обеспечивала стабильность этноса.

Список источников

1. Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1961. 256 с.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30-ти т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1-4.
3. Морохоева З. П. Личность в культурах Востока и Запада: к постановке проблемы. Новосибирск: Наука, 1994. 206 с.
4. Никишенков А. А. Из истории английской этнографии: критика функционализма. М.: Издательство Московского университета, 1986. 215 с.
5. Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят. Иркутск: Гублит, 1924. 23 с.
6. Полевые материалы автора. 1990-2000 гг. Осинский, Нижнеудинский районы Иркутской области. Сообщения Болоева Григория Никитича, 1935 г.р., Коногорова Сергея Андреевича, 1910 г.р. и др.
7. Сыденова Р. П. Улусная община западных бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2003. 130 с.
8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1985. 238 с.

ANTHROPOLOGY OF THE BURYATS' CHILDHOOD: CULTURE OF SOCIALIZATION

Sydenova Rimma Prokop'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Buryat State University in Ulan-Ude
rsydenova@mail.ru

The paper considers features of culture of children's socialization in the traditional Buryat society. The author shows a mechanism of incorporating an individual into sociocultural practice of the people, which was closely connected with generic institutions and traditions. Basing on literary and her own field materials, the author reveals children's motivation to join the system of values that has developed among the people, notes importance of the state of correlation with the social environment for a child, shows how on the basis of the knowledge approach to the history of his/her family, its genealogy, an individual can become consolidated in social and ethnic life.

Key words and phrases: the Buryats; genealogy; relations of kinship; tradition; childhood; system of values; social custom; socialization.